

Кирпичи 2.0

Автор:

Данияр Сугралинов

Кирпичи 2.0

Данияр Сугралинов

Это жизненная история про слабость и безвольность, про падения, борьбу и преодоление себя. Главный герой – молодой офисный сотрудник, за внешней воспитанностью которого скрывается инфантильность, малодушие и отсутствие уважения к самому себе. Он пытается изменить себя, мечтая о красивой и успешной жизни. Действуя вопреки всем стереотипам о неудачниках, ошибаясь снова и снова, он выходит из многих жизненных ситуаций, которые знакомы каждому из нас.

Данияр Сугралинов

Кирпичи 2.0

Книга рекомендована к изданию Дамиром Халиловым

© Д. Сугралинов, 2014

© Издание, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было

средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)
(<http://www.litres.ru/>)

* * *

Муфке и Пушпику с любовью

От автора

Дорогой читатель! Первым делом поясню название.

Если ты не читал первые «Кирпичи» – не сомневайся, читай сразу вторую версию, которую ты держишь в руках. «2.0» в заголовке свидетельствует о том, что это вторая версия книги и ты ничего не упустишь.

Если же ты читал первые «Кирпичи» – не сомневайся, можешь читать и эту книгу, причем с начала. Ведь здесь многое изменилось, добавилось. И если ты ждал продолжения, то оно у тебя в руках. Просто история Сергея Резвея стала подробнее и длиннее.

Первая версия книги была написана мной осенью 2004 года.

Это была небольшая повесть, выходявшая поглавно на одном из популярных тогда «контркультурных» интернет-ресурсов[1 - Речь идет об udaff.com (<http://udaff.com/>).]. Когда я начинал ее, даже не думал о том, что это будет книга. Я писал небольшой рассказ о неуверенном в себе молодом человеке. По задумке он должен был переоценить себя, влипнуть в какую-нибудь криминальную историю и этим закончить свой жизненный путь.

Я выслал первую главу, которая практически не отличается от той, что представлена в этой книге, владельцу и редактору «контркультурного» сайта Дмитрию Соколовскому, и он ее опубликовал.

Читатели сайта, или, как их там называли, «фтыкатели», неожиданно для меня стали симпатизировать главному герою Сергею Резвею и требовать продолжения.

Воодушевленный, я писал главу за главой, и к шестой о «Кирпичах» заговорили в сети. От идеи прикончить главного героя пришлось отказаться – читатели бы не простили. К тому времени он и мне полюбился. А вскоре персонажи зажили собственной жизнью, мне оставалось только записывать происходящее.

Ночами я писал продолжение, утром высылал очередную главу Диме, а днем читал отзывы-комментарии читателей и мотивировал себя к тому, чтобы продолжить «писательство». В кавычках, потому что никогда не считал себя писателем, трезво оценивая свои силы.

После десятой главы мне позвонили из одного питерского издательства и предложили публикацию повести. Еще один звонок был с популярного московского телеканала – они решили снять фильм. На протяжении последующих десяти лет каждый год ко мне обращались продюсеры, кинорежиссеры, небольшие издательства с аналогичными предложениями.

Забавно, но ни книга, ни фильм по разным не зависящим от меня причинам так и не вышли, и сейчас я уверен, что это к лучшему.

Потом на кураже я тут же написал продолжение, но вторая книга так и не увидела свет. Продолжение было откровенно неудачным – мне было 25 лет, и просто не хватало жизненного опыта, чтобы написать так, как надо. Первую главу неудавшегося продолжения по сей день можно найти в сети. Она, кстати,

вошла и в эту книгу с незначительными изменениями. Больше от тех «вторых кирпичей», как их называли в сети, ничего не осталось: файл был утерян при переезде.

К началу 2013 года количество прочтений книги в сети превысило пару миллионов. Первую версию «Кирпичей» активно размещали в электронных библиотеках, на форумах, развлекательных, пикаперских[2 - Пикап – знакомство с целью соблазнения, а также совокупность методов, наблюдений, взглядов, развившихся на основе эмпирического подхода к соблазнению.] и мотивационных сайтах. Кто-то выпустил аудиовersion, а кто-то опубликовал на Google Play. В соцсетях создавались группы поклонников, книгу разодрали на цитаты.

Я к тому времени окончательно отпустил историю с «Кирпичами», занимаясь карьерой и семьей.

Наступил 2013 год. Мы с семьей были в отпуске, и мне подумалось, что я готов. Десять лет с выхода первой версии дали мне столько жизненного опыта и интересных людей, что я ощущал готовность написать продолжение. Для этого я прочел первую версию книги – чтобы вспомнить героев, события. Дочитав, я понял: продолжения не будет. Идея и мораль первой книги категорически не соответствовали мне, тридцатичетырехлетнему. Я решил полностью переписать книгу и развить историю.

И я это сделал.

У тебя в руках, читатель, «Кирпичи 2.0».

Глава 1

Инициация

– Ты в магазин? Купи мне шоколадку, Резвей, – попросила Лида. – Пожалуйста!

Лидка Фрайбергер, вопреки стереотипу о некрасивых немках, обладала сногшибательной внешностью. Конечно, она это знала и – хуже всего – всю этим пользовалась.

Народ в офисе восторженно слушал. Всем стало интересно, как я отреагирую. Черт!

А дело было так. Шеф дал нам проект. Свою часть я выполнил, а деловая стрекоза Лидочка, занятая куда более важными делами, не успела. И ладно бы покаялась – шеф побурчал бы, но продлил срок. Нет!

Утром на планерке не моргнув глазом заявила: «Михаил Степанович, выполнение проекта задержано по вине Резвея, не собравшего в срок данные по заказчику». Резвей – это моя фамилия.

Степаныч, старый хрыч, внимательно изучив длиннющие Лидкины ноги, вынес вердикт:

– Проект закончить до завтра, Резвей лишит квартального бонуса.

В общем, послать Лидку в далекие края или принести шоколад, темный с орехами, как всегда, вопрос не стоял. Первое сделать не позволяли врожденная робость и воспитание. Оставалось второе. Но вопрос в том, как бы ответить, не растеряв остатки гордости. Если бы мы с Лидкой были одни, я не задумываясь согласился бы, но коллектив, до того сосредоточенно кликавший мышками, замолк в ожидании.

Подумав, я нашел, казалось бы, компромиссное решение:

– Хорошо, возьму. Слушай, а ты не поможешь мне вечером с проектом? Хочу задержаться, но добить его наконец сегодня.

– Вот еще, разбежался, – Лида скривила губы, – у меня уже весь вечер расписан. Ничего, сам закончишь, из-за тебя же сроки горят.

Такого ответа я не ожидал. Где-то в углу программистов прозвучал смешок. Это Саня Бородаенко не сдержал презрения. Он вообще всех презирал, а меня – особенно.

– Резвей, и мне сигарет купи! – крикнул стажер Панченко.

– А мне щенка, кроссовки и барабан! Ладно, Резвей? С получки отдам! – проявил остроумие Бородаенко.

Тут уж и сидящий на диете Гараян не сдержался и заказал упаковку овсяного печенья.

– От него не толстеют, Сережа, – пояснил он. – А деньги я тебе с получки верну, хорошо?

* * *

Чавкающая грязь при каждом шаге взлетала и опускалась на штаны. Морозящий дождь заставлял жмуриться, а это при моем плохом зрении преимуществ в ориентации на местности не давало.

Коммунальные службы перекопали участок дороги возле офиса, сменили трубы, но заасфальтировать забыли. Местность напоминала колхозное поле после уборки урожая.

Мимо с гудением пронесся грузовик, водитель которого весело погрозил мне кулаком. Меня облепили комья грязи, а сопутствующие водопады залили очки. В голову упорно лезли мысли о ковровых бомбардировках. Настроение ухудшалось с каждой секундой, срочно хотелось кого-нибудь убить.

Цель, ради которой я вышел из офиса, явно не стоила всех этих мучений. Разболелось горло, и мне хотелось смягчить его какими-нибудь леденцами. До продуктового магазина недалеко, но черт меня дернул выйти в такую погоду!

В магазине душно. Остановившись у витрины с колбасами, я снял и очистил очки, вытер лицо. Жизнь налаживалась. За кассой стояла женщина лет сорока, очки в роговой оправе грозно сверкали, а копна обесцвеченных волос превращала ее в пришельца из 80-х двадцатого века. На меня – ноль внимания.

Пока я приводил себя в порядок, в магазин зашел еще один покупатель. Тяжелые облепленные грязью ботинки, щетина и короткая стрижка – мужчина

среднего возраста, рабочий класс. Зал магазина наполнил запах перегара и пота.

– Бутылку водки «Журавли» и два пива! – приятный голос работяги не сочетался с его внешностью.

– Какое именно пиво?

– Мне «Балтику», а вот этому... – мужчина обернулся ко мне. – Какое пиво предпочитаешь, чудик? Угощаю! И зовут-то тебя как?

«Эх! – пронеслась шальная мысль. – Неудобно отказываться!»

– Мне, пожалуйста, «тройку». А зовут меня Резвей.

– Вы слышали? Две «тройки»! – бросил он продавщице и снова повернулся ко мне. – Очень приятно, Резвей! Меня Лехой зовут! Верняк – моя фамилия!

– Я, конечно, извиняюсь, Леха...

Мужик поморщился.

– Погоди, так ты, получается, сам себя извиняешь? – поинтересовался он.

– В смысле? – не понял я.

– Смотри. Я умываюсь – значит, я умываю сам себя, да? Получается, ты извиняешь сам себя?

– Э-э-э, – я реально тормозил, а от этого всегда начинал запинаться, – ну, так же говорится... Извините.

– Вот, это уже по-русски. А повода нет: просто увидел хорошего человека и захотелось его угостить.

Он расплатился и кивком предложил мне следовать за ним. «Хороший человек» в моем лице совсем забыл и про леденцы, и про Лидкину шоколадку, и даже про овсяное печенье для худеющего Гараяна. И, ни капли не сомневаясь, направился вслед за Лехой. Мой новый знакомый вышагивал так, что никто не посмел бы усомниться в его уверенности в себе. Горделивая осанка даже вызывала невольную зависть. Между тем дождь все еще лил.

- А куда пойдём-то?

- Да сядем сейчас на лавочке в скверике, тут недалеко.

- А дождь?

- Ты что, промокнуть боишься?

Вопрос прозвучал насмешливо, и желание что-либо выяснить сразу пропало. Действительно, почему бы и не промокнуть? Мы шли молча, и всю дорогу я пытался объяснить самому себе: что я делаю и зачем куда-то иду с этим человеком? Разум подсказывал, что надо вернуться в магазин и купить все то, что заказали ребята из офиса, где меня минут через двадцать по закону подлости начнут искать. Но возвращаться туда я не хотел.

* * *

Дождь прекратился. Выглянуло безразличное осеннее солнце. В сквере было пусто.

Леха уселся на мокрую скамейку так, как будто она сухая: видно, что его не заботили такие мелочи. Я робко присел рядом. Открыли бутылки. Пить холодное пиво на улице при такой мерзкой погоде большого удовольствия не доставляло. Глотать больно, но я сделал несколько крупных глотков и выдохнул.

- Как пиво? - поинтересовался Леха.

- Пиво как пиво, - пожал я плечами, - холодное.

– Ясно. Тогда рассказывай!

– О чем?

– Как о чем? Чем живешь, чем дышишь? Кто ты вообще такой?

Потребность высказаться и выпитое на голодный желудок пиво развязали мне язык. Полчаса моего сбивчивого монолога, и Леха знал обо мне все.

Ненавязчивыми вопросами и глубокомысленным хмыканьем он направлял мой рассказ и, дослушав, подвел итоги.

– Итак, Сергей Резвей, двадцати семи лет, жены нет, девушки тоже нет, родители далеко, работаешь рекламщиком в медиахолдинге. Работой доволен, но в коллективе авторитетом не пользуешься. Зачем живешь-то, Серега? В чем смысл?

– Смысл? – даже как-то удивился я. – Жить.

– Жить, чтобы жить? Seriously? Ну ты даешь, старик! Наверняка у тебя есть какие-то мечты, планы, цели. Проблема в том, что ты пытаешься угодить всем в ущерб себе. Всё, что тебе нужно для счастья, – осознать, что твои мечты вполне исполнимы и зависит всё только от тебя. Стань эгоистом в хорошем смысле. Поставь цели. Наберись здоровой наглости. Будь грубее и не бойся казаться невоспитанным: сейчас воспитанные люди не в моде!

– Извините, но...

– Что за идиотская привычка к месту и не к месту через слово вставлять «пожалуйста», «прошу прощения» и «извините»? За что извиняешься, прощения просишь, сам хоть понимаешь? Что за «э-э-э...» да «ме-е-е...»? Что за «ну... я не знаю» после каждого вопроса? Отвечай односложно и предельно конкретно: либо да, либо нет. А если хочется ответить «нет», но стесняешься, собери волю в кулак и скажи три коротких слова: «Нет – и точка!» Забудь о воспитании: в этом мире выживает не самый воспитанный, а самый наглый. Стань хамом: хамство упрощает взаимопонимание в той среде, в которой ты обитаешь. Уяснил?

- Не совсем. Наглецы и хамы, может, и успешнее в чем-то, добиваются своего, но это всегда плохо заканчивается для них, - услышанное от Лехи не вписывалось в мое понимание мира, его харизма поблекла и больше не действовала на меня.

- Ты и вправду так считаешь? Я ведь не учу тебя, как превратиться из жутко интеллигентного парня в крайне неинтеллигентное быдло, это ты можешь понять? - вскипел Леха. - Я тебе говорю, что в современном обществе, в большей его части, а особенно в той, в которой ты имеешь честь жить и работать, быть тем, кто ты есть, - значит обречь себя на вечное лузерство. Хочешь позволить себе такую роскошь? Роскошь быть собой вместо права на нормальную жизнь, уважение коллег, внимание красивых девушек?

- Э-э-э... - пока я думал, заполнил паузу привычным бляньем.

- Да твою же мать! - Леха взорвался.

- Нет! Нет, не хочу!

- Тогда запоминай! Все вышесказанное относится только к тем, кто тебя использует. Неважно: родственник ли это, начальство, коллега или просто случайный прохожий. Вот тебе простой пример: ты спешишь на работу, но тебя останавливает прохожий и стреляет сигарету или огня. Как ты поступишь?

- Конечно, дам сигарету, - ответил я, не задумываясь. - А что, мне не жалко.

- И опоздаешь на работу?

- Да нет, это же не займет и минуты.

- А отказать не займет ни секунды! Представь, что по дороге на работу тебе встретились несколько прохожих, стреляющих курево. Представил? Останавливаешься, вытаскиваешь пачку, открываешь, протягиваешь, дожидаясь, пока прохожий вытянет сигарету, кладешь пачку на место, достаешь зажигалку... Не успел на автобус. Опоздал на работу. Доступно?

- Вполне, - я начал понимать, к чему он клонит.

– И вот ты опоздал на работу, что, конечно, не привело руководство в восторг. При таком подходе рано или поздно твои опоздания приведут к увольнению или лишению премии.

– Да меня и так уже лишили премии...

– Вот видишь! Длинноногая девочка Лида живет себе припеваючи, гуляет, работу выполняет не вовремя, а что в итоге? Ты без премии, она на коне, совесть не мучает, над тобой посмеивается, еще и гордится своей находчивостью... Стерва?

– Она не стерва, она хорошая, – почему-то поправил я.

– Так ты к ней равнодушен?! – изумился Леха. – Ха! Думаешь, если и дальше позволишь ей ездить на себе, то она и ноги раздвинет?

– Ну, ноги не ноги, но...

– Знай, Резвей, что нормальная, уважающая себя девушка никогда не будет не то что спать, но даже встречаться с рохлей. Тем более такая, как она. Зачем ей с тобой встречаться, если ты и так под нее стелешься?..

Внезапно Леха задумался, а потом воскликнул:

– Да тут же поле непаханое! Слушай, а почему ты со мной-то пошел? Тебе же на работу надо было возвращаться? Или нет?

– Э-э-э... Надо было...

– Короче! Я не я, если не сделаю из тебя нормального мужика! Вот номер моего мобильного, – Леха протянул мне визитку. – Позвони мне как-нибудь: попьем пива и продолжим беседу. А сейчас возвращайся на работу и попробуй хоть остаток дня побыть мужиком! Сможешь?

– Ну, я не знаю... – протянул я, глядя вниз.

Поднял голову, увидел бешеные Лехины глаза, покраснел, разозлился на себя и выпалил:

- Да!

Леха улыбнулся:

- Молодец! Так держать! Держи краба!

С этими словами он встал, пожал мне руку и ушел.

Я повертел его визитку – дорогая темно-зеленая бумага, белым шрифтом на ней: «Алексей Верняк».

Глава 2

Первый кирпич

Георгий, вахтер и охранник в одном лице, расплылся в улыбке. Я тут же представил себя и понял, что вид у меня комичный: мокрые растрепанные волосы, нелепые заляпанные очки в толстой оправе, промокшая одежда и визуально увеличившиеся в размерах за счет налипшей грязи туфли.

«Ну что же, пусть веселится, я ведь и впрямь выгляжу несуразно», – подумал я. Но, вспомнив Леху, неожиданно даже для себя самого выпалил:

- Чего лыбишься?.. Дурак, что ли?

Вахтер застыл с оскаленным ртом, уголки губ поползли вниз, в глазах – изумление. Не дожидаясь, пока он опомнится, я прошмыгнул мимо него к лифту. К последствиям собственной несдержанности я оказался пока не готов. Опомившийся Георгий закричал вслед: «Ты оборзел, гнида?..» – но дальнейшего я не услышал. Возможно, наш корпоративный преторианец взывал к моей совести; возможно, просто хотел объяснить, что улыбался он вовсе по другой

причине. Эти версии наиболее комфортны для меня, но я честен перед собой: я оскорбил Георгия, расправа неизбежна.

Георгий, которого все, кроме меня, звали просто Жора, в юности провел пару лет в колонии по какой-то хулиганской статье, и этот период стал самым ярким в его жизни. Сотни, да что там, тысячи «чмырей», по его словам, вставали ему поперек дороги, после чего умывались кровью и становились инвалидами. Поэтому я четко понимал, что, скорее всего, Георгий хотел максимально доступными методами пояснить мне неприемлемость моей линии поведения без должного к нему уважения. Проще говоря, побить меня.

Кровь прилила к лицу, пульс участился, в горле пересохло – так происходит всегда, когда я попадаю в конфликтную ситуацию. Еще больше я волнуюсь, впадаю в ступор при любой угрозе физического воздействия. Я боюсь. Боюсь, что мне разобьют нос, выбьют зубы, ударят в живот... Я очень хорошо все это себе представляю, настолько ярко и подробно, что при одной мысли о драке паникую. Поэтому я стараюсь быть со всеми в хороших отношениях, не обострять, идти на компромисс, входить в положение и всегда боюсь кого-нибудь обидеть.

Пробыть даже полдня «мужиком» без должной подготовки, а тем более без возможности физически обосновать свои слова, – нелегко.

Поднявшись, я зашел в туалет и привел себя в порядок: снял очки, счистил грязь с одежды, вымыл руки, умылся. Вгляделся в зеркало: обычный парень, серые глаза, короткие русые волосы... На лбу – шрам в виде молнии. Когда я был маленьким, тот, чье имя нельзя называть... Ха-ха, шучу. Шрамов нет, конечно: не то что на лбу, вообще нет. Драться – никогда не дрался, а от жестоких порезов, переломов и падений бог миловал. В общем, важная часть в моей жизненной подготовке была упущена, а что-то наверстывать в двадцать семь лет – поздно.

Да и зачем мне это нужно? Всегда жил по принципу: «Все люди хорошие, пока не докажут обратное». Если же они «доказывали обратное», в очередной раз разочаровывался в этом мире, впадал в апатию и терял вкус к жизни. А потом просто переставал с «доказавшими обратное» общаться.

Встал у окна, закурил. Втягивая сладкий табачный дым вместе со свежим октябрьским влажным воздухом, вспоминал разговор с Алексеем Верняком. Странно, но я не задавался вопросами: кто этот человек, почему он завел со

мною разговор и учил, как жить. Его тезисы доказательств не требовали: моя неудачная жизнь была живым примером, что так себя вести нельзя.

Пора менять принципы. Отныне все люди для меня – сволочи и подлецы. Пока не докажут обратное.

* * *

На пороге офиса я расправил плечи, выпрямил спину и, задрвав подбородок, вошел. Снял куртку, сел за свое рабочее место, подвигал мышкой. Экран монитора включился, и я увидел не прекрасный вид на Штормград[3 - Штормград – столица людей и самый крупный человеческий город в Азероте, мире компьютерной игры World of Warcraft.] с высоты полета грифона, установленный у меня в качестве обоев, а похабную отвратительную сцену с одного из тех сайтов, где можно найти видео любых половых извращений. Причем с присутствием нечеловеческих персонажей.

Еще пару часов назад я бы на такую выходку не обратил внимания – наоборот, угодливо посмеялся бы над этой «невинной шуткой». Но сейчас следовать традициям не хотелось. Я всматривался в каменные лица коллег, еле сдерживающих смех, быстро перевел взгляд с одного на другого, пытаюсь догадаться, кто это сделал.

И, наконец, тихо спросил:

– Кто?

Молчание. Лидка, взглянув на меня, фыркнула.

А Костя Панченко нарочито гнусавым голосом произнес:

– Резвей! Явился – не запылится! Все купил, что должен был? Сигареты не забыл? Ничего не перепутал?

Шоу началось! Из-за мониторов появились лица коллег, уже готовых к веселью. «Значит, шута нашли? – закрутились злые мысли. – Будет вам шоу!» Главное – это голос, а он у меня тихий. «Раз громко говорить не получится, придется

орать», – решил я.

Набрал полную грудь воздуха и выкрикнул на одном дыхании:

– Тебе, Панченко, не о куреве надо думать, а о том, пройдешь ли ты испытательный срок! Стажер! Где маркетинговое исследование по ночным клубам? Ты его еще на прошлой неделе должен был подготовить!

Обескураженный Костя примирительно, без всякой гнусавости в голосе попросил:

– Серега, да ладно тебе, ты чего это?..

– Серега?! Да какой я тебе Серега! Для тебя – Сергей Александрович, стажер!

Я выдохся и замолк. Не знал, что еще сказать. Излить то, что давно накипело, – смог, а вот оскорблять и хамить специально не научился пока.

Впервые в жизни я осознал значение выражения «звонящая тишина». Коллеги перестали клацать кнопками клавиатур, и лишь мерный гул работающих компьютеров повис в комнате. Даже непомерно толстый, не дождавшийся своего овсяного печенья копирайтер Левон Гараян перестал жевать бутерброд и, открыв рот, внимательно меня изучал.

Я почувствовал себя неуютно и сорвался:

– Что уставились? Работать!

Нет, к работе никто не вернулся. Все с каким-то новым интересом рассматривали меня, словно пытаюсь понять, что во мне изменилось. В глазах любопытство и небольшая тревога, лица напряжены.

Тишину нарушил удивленно-радостный Панченко:

– Ребята! А ведь он же пьяный! Принял уже где-то!

Все тут же понимающе улыбнулись, с облегчением закивали друг другу. Люди страшатся необъяснимого, а секрет истерики Резвея крылся лишь в его алкогольном опьянении. Элементарно, Ватсон! Гараян продолжил трапезу. Бородаенко что-то застрочил в мессенджере, Фрайбергер брезгливо сморщила носик. Это какой-то кошмарный сон.

Я стоял, не зная, куда себя деть. Краска заливала лицо. Наконец сел, в душе проклиная собственную глупость, и невидящим взглядом уткнулся в веселую картинку на экране.

А Костя, упиваясь победой, продолжал разоблачительную речь в духе тех старух, которые дают следователям показания об ограблении соседской квартиры:

– А я еще думаю, от кого перегаром-то несет? Думал, может, это спирт Бородаенки, которым он свои компы протирает? Смотрю – нет, Бородаенке вообще всё по барабану...

– Слышь, ты, салага! – встрепенулся Саня и спародировал меня. – Для тебя я – Александр Витальевич!

– Ага, – важно кивнул Панченко, – смотрю, а Александру Витальевичу всё по барабану. Они соизволили пасьянсик разложить, и не до спирта им. И тут меня осенило! Это же от Резвея амбре исходит, Сергея Александровича нашего: пришли они в грязи, как в канаве искупавшись, перегаром от них несет, еще и истерику тут устроили...

– Заглохни, Панченко, – сквозь зубы произнесла Лида.

Костя удивленно на нее посмотрел (как же так, для вас же стараюсь, ваши благородия, развлекаю!), но умолк.

Посверлив меня изумрудными глазами, Лида тихо спросила:

– Сереж, ты мне шоколадку купил?

– Нет, Лида, извини.

– Ну и ладно, до обеда уже чуть-чуть осталось.

И улыбнулась! Вот зараза-то, а?

* * *

В кафе за обедом я сидел в одиночестве. Кто же знал, что одна выпитая натошак банка пива даст такой эффект? Перегар похлеще, чем после бутылки водки! Еще и Саня расстарался: всем разослал сенсационную новость, никого не забыл. Я тоже получил эту рассылку.

Сосредоточенно и спокойно ел борщ (аппетит после пива проснулся зверский) и прислушивался к окружающим столикам.

Краем уха услышал, как Панченко рассказывал утреннюю историю. Внезапная слава меня не порадовала, хотя раньше я и переживал, что не особенно популярен. Известность я сегодня приобрел довольно сомнительную. Девчонки из дизайнерского отдела заливались смехом, поглядывая на меня.

– Бывают же люди: трезвыми слово боятся вставить, а как выпьют – так на людей с топором кидаются! Вот и Чикатило такой же был, – донеслось до меня.

А после обеда меня вдруг вызвал Степаныч. Красный от гнева, он полчаса сначала песочил, а потом возвестил:

– Пьяный на работе! Это же ЧП! Устроил истерику в отделе, накричал на Панченко! Радуйся, что генеральный тебя ценит, я бы на его месте дал тебе пинка под зад и уволил по статье! Теперь мне понятно, почему у нас проекты в срок не выполняются! В отделе у вас черт знает что творится! Менеджеры в игрушки играют, копирайтер жрет весь день, вместо того чтобы тексты писать, а ты прямо на рабочем месте водку пьянствуешь? В общем, минус пятьдесят процентов из месячного оклада! На первый раз. Будет тебе уроком. И чтобы я тебя сегодня больше на работе не видел! Пшел вон!

И я пшел. Поднялся к себе, взял куртку, сохранил документы, выключил компьютер. Потом, прокашлявшись, привлек к себе внимание и как ни в чем не бывало сказал:

– Ребята! У нас в отделе появился стукач. Фамилия – Панченко. Знайте: все, что здесь происходит, он доносит Степанычу.

Панченко спрятался за монитор. Такое обвинение – гораздо серьезнее, чем мой проступок, особенно для командных, гармоничных, основанных на взаимном уважении, а также проникнутых корпоративным духом отношений в коллективе. Я оделся, громко попрощался со всеми.

Выходя, услышал за спиной строгий Лидин голос:

– Панченко, завтра до вечера жду результаты маркетингового исследования. Не будет – пощады не жди!

Я улыбнулся. Несмотря на штрафные санкции Степаныча, настроение стало отменным. Домой! Чай с лимоном и малиновым вареньем, молоко с медом, теплая ванна и крепкий сон до вечера. А вечером... Вечером я наконец-то наберусь смелости и приглашу Лиду в кино. А может, в ресторан – неважно. Ну и что с того, что у нее «весь вечер расписан»? Может, и не весь. Главное – попробовать. Попытка не пытка. А откажет – не беда, скачаю какой-нибудь сериальчик или поиграю.

* * *

Мои приятные размышления прервал резкий голос вахтера Георгия:

– Резвей, еще раз что-нибудь подобное скажешь, я тебя удавлю. Понял? Скажи спасибо, что бухой ты был. Видимо, по синему делу совсем страх потерял.

Сердце застучало сильнее, прошиб пот. Вот они, последствия. Хочется ответить достойно, но сейчас наглым быть опасно, можно и по шее получить. Можно...

Да и черт с ним! Я понял, что получить по шее не боюсь. Наоборот, хочется спровоцировать Георгия, этого дебила с амбициями вора в законе, да так, чтобы он сам накинулся с кулаками. А там... А там посмотрим по ситуации.

– Жорик, бредишь? Какое «синее дело»? Кто был нетрезвый? Я? Уверен?

Жора открыл рот, но я продолжил:

- Может, тебе путевку выписать?

- Не понял... Ты чего гонишь?.. Какую путевку?

- Путевку? В пешее эротическое путешествие!

- Куда-а-а?!

- Попить водички из пруда! – во мне проснулся рифмоплет, я почувствовал кураж. – Расскажи мне лучше, как ты меня удавишь, если я тебе оформлю путевку. Будешь использовать для этих целей бельевую веревку? Или обойдешься гитарной струной?

Я выдал эту тираду, абсолютно мне не свойственную, словно отыгрывая какую-то роль. В прошлом в подобных ситуациях мне постоянно приходили в голову остроумные, как мне казалось, ответы, но я никогда не озвучивал их. Но сейчас я, преодолевая собственную культуру общения, говорил все, что вздумается. И мне это нравилось.

- Да... Да я... я тебя собственными руками закопаю! – оторопевший Жора прохрипел это так, словно уже не он, а его кто-то пытался задушить.

- Перебьешься! Удавит он, закопает... Определись! А потом с работы вылетишь, понял?

Жора бешено посмотрел, сжал кулаки, тяжело задышал, но ничего так и не произнес, а потом и вовсе отвел глаза.

Выходя из офиса, я чувствовал на себе его угрюмый взгляд. Что скрывать: не хотелось бы мне встретить Жору вне стен офиса. Он же дурак, а дураки не умеют мыслить в перспективе. Встретит меня, вспомнит обиду, да и пересчитает кости. А потом хоть трава не расти, главное – он «этому чмырю», то есть мне, спуску не дал, на место поставил. А работа... В пьяном угаре кому нужна работа? Наверное, и убить может... Да что это я?!

К черту эти страхи!

Как ни крути, а сегодня заложен первый кирпич моей крепости.

Глава 3

Level up

– Лопата! Больше десятка ошибок, и это на первом-то этапе! – Леха, казалось, был взволнован и обеспокоен после моего рассказа о второй половине дня. – Тяжелый случай!

Лидке позвонить я так и не решился. Хотя после горячего чая с лимоном, засыпая под теплым верблюжьим одеялом, присланным ташкентскими родственниками, я мечтал поскорее проснуться, чтобы позвонить ей. Но очнулся я в десятом часу вечера, а беспокоить человека так поздно не позволяло воспитание.

– Ты пойми, чудила, я тебе не мессия и не добрый дядя Степа, который пришел и решил все твои проблемы. Я только рассуждаю, а все мои рассуждения по умолчанию спорны и уместны в какой-то данной конкретной ситуации, – продолжал Леха лекцию. – Твоя задача – уловить суть, принять ее за основу для линии поведения и претворить в жизнь. Понял?

– Понял.

Кое-что я усвоил четко. Жизнь – череда маленьких и больших стимулов, между которыми путь. Путь к цели. Есть цель. Есть стимул – добиться ее. Простейший пример: я лежу на диване и смотрю телевизор. Захотелось в туалет. Облегчиться – стимул. Очень сильный, особенно после трех-четырех бутылок пива. Так вот, чтобы добиться цели (получить удовольствие от опорожнения мочевого пузыря), мне надо встать и пройти в туалет. То есть имеем цель – облегчиться, стимул – чтобы больше в туалет не хотелось, и план выполнения задачи – встать и дойти до сортира. И если стимул перевешивает лень и неохоту, то мы движемся к цели. Поэтому очень важно ставить перед собой

хорошие стимулы и реальные цели.

– Молодец. Давай рассмотрим твои ошибки.

Я не решился позвонить Лиде, но позвонил Лехе. Он сразу ответил, узнал и радостно завопил, как будто ждал моего звонка:

– Здорово, Серега! Как дела?

– Все нормально!

Договорились встретиться в маленьком пивном баре недалеко от моего дома.

Как же я удивился, когда из подъехавшего джипа представительского класса вылез улыбающийся Леха. Я в который раз убедился в ложности стереотипов. На таких машинах работяги не ездят.

– Итак, ошибка первая, которую ты и сам, наверное, осознал. Ты зачем вахтеру нахамил? Ты бы сдержал улыбку, увидев кого-нибудь в таком же виде? Учись адекватно оценивать ситуацию: ты был смешон. Лучше было самому улыбнуться в ответ: «Мол, вот какое дело-то, угораздило попасть под дождь без зонта».

– Раньше, до встречи с тобой, я бы так и сделал, – возразил я. – А ты же сам учил...

– Я тебя не этому учил. Повторяю: учись адекватно оценивать ситуацию. Ошибка вторая. Ты позволил себе иметь легко выявляемое слабое место: появился в офисе с запахом перегара. Никогда не позволяй другим замечать свои слабости! Ахиллес знаешь как погиб? Вот! Так и здесь: ты неуязвим, пока кажешься неуязвимым!

– Угу, – хмуро согласился я. Всякому неприятно, когда его тыкают мордой в собственные ошибки.

– Не угукай! Не хмыкай, выражайся четко. «Да», «понял». Я серьезно. Возвращаясь к охраннику: вот тебе третья ошибка. Ты же слышал, что он орет тебе вслед что-то нелicenseприятное? Последнее слово должно всегда оставаться

за тобой. Ошибка была в том, что ты не вернулся.

- Так вернулся бы я, и что?

- В том-то и дело все, Серега! Человек, убежденный в том, что ты не ответишь, будет тебе вслед говорить что угодно. И чисто психологически победа будет за ним! Это же классический прием толстых теток с рынка: вы будете орать друг другу в лицо гадости, но когда ты посчитаешь, что дальнейшие препирания бессмысленны, и развернешься, чтобы уйти, то услышишь вслед что-то типа: «Щенок!» А ты – бац! И вернулся! И в лицо ей: «Что ты, зараза, вякнула?»

Леха так здорово изобразил базарных теток, что я рассмеялся.

- Во. А пока она будет удивляться оригинальному развитию событий, ты, весь такой гордый и красивый, спокойно покинешь место перебранки. Хотя... Мой тебе совет: с базарными бабами пока не пикируйся. Это высокий уровень, а ты и на первый пока не тянешь.

Пиво пилось очень легко. Я и не заметил, как официантка принесла мне третью кружку. Леха тянул минералку.

- Какие еще ошибки я допустил? – спросил я.

Жизнь стала казаться компьютерным квестом, где очень важно без ошибок пройти уровень.

- А жизнь и есть игра, Резвей, – сказал Леха.

- Не понял. Я что, думал вслух?

- Нет, – улыбнулся он, – у тебя просто все мысли по глазам читаются. Ха-ха! Повелся? Ерунда это все, Серега, е-ру-нда! Невозможно прочесть мысли, можно лишь просчитать вероятность событий. Поверь мне, у типичного выпившего человека не более пяти желаний и мысли, соответственно, текут в том же ключе. И сейчас мы думаем об одном и том же, да? Что, по бабам?

- А есть? – с надеждой спросил я.

- Бабы всегда есть. В сауну поедем. Заодно и отпразднуем!

- А что будем праздновать?

- Наш первый день.

- Первый день?

- Да. Первый день оставшейся жизни!

* * *

Леха ехал быстро. Успевал все: и рулить, и обгонять, и лавировать, и отвечать – лаконично «да», «нет», «понял», «до связи» – на звонки, и разговаривать со мной. Наконец отключил телефон.

- Всё. Кто мне нужен – уже отзвонились, а кому я – потерпят.

- А вдруг дома что-то случится?

- Так этот для работы. Близким я доступен всегда, только не по этому номеру. На чем мы остановились-то?

- На первом дне оставшейся жизни.

Пока ехали, я успел обдумать этот самый первый день и проникнуться смыслом сказанного.

- И как ты это понял?

- Да просто все! От всего, сколько мне жить осталось, сегодня как раз первый день, а значит, впереди вся жизнь и можно многое успеть. А то, что не удалось в прошлом, можно попробовать исправить. Да и вообще, прошлая жизнь – репетиция настоящей, которая прямо сегодня началась. А значит, если даже у меня вчера день сложился неудачно, сегодня это не имеет значения. Вот так и

понял.

Леха постучал костяшками пальцев по столу:

– Балда! Плохо ты понял! Ты, конечно, правильные вещи говоришь: и про репетицию, и про много что можно успеть, – только вывод-то не такой! Ты прав: в первый день оставшейся жизни хорошо ощущается, что времени – вагон. Примерно такие же чувства в первый день на море в отпуске. Ура-ура! Сидишь у воды, пьешь пиво и наслаждаешься тем, что времени еще много! Ты еще четко не представляешь, когда поедешь на экскурсию, а когда – на шопинг. Спешить некуда. Но когда отпуск переваливает экватор, ход времени ускоряется. Все пролетает перед глазами. Тпру! Приехали, отпуск закончен! Отличие первого дня оставшейся жизни от первого дня отпуска ровно в одном: у тебя будут другие отпуска. И увидеть древний храм можно будет в следующий раз. Уяснил?

Я кивнул. А потом сказал:

– Лех... Я на море никогда не был...

* * *

– Здорово, отец! Свободно что-нибудь? – гаркнул Леха.

«Отец», пожилой мужик с изборожденным морщинами лицом, сидел на лавочке у сауны «Ихтиандр» и с удовольствием курил папиросу. Глубоко затянувшись, он благоговейно замер, а потом, выпуская клубы дыма, сообщил:

– Кажись, люкс свободен.

– Спасибо, отец. А невесты на выданье есть?

– Не, невест нет. Девочки есть.

– Добро!

Удовлетворенный полученной информацией, Леха зашел в сауну. Я последовал за ним.

В приемной за баром стояла симпатичная девчонка, которой я дал бы лет восемнадцать, если бы не глаза. Пронзительные и в то же время настолько блудливые, что, казалось, нет в мире грехов, которых они не видали. На бейдже написано «Мария», и имя очень подходило к ее славянской внешности. Увидев нас, Мария заученно улыбнулась, поприветствовала и спросила, может ли чем-то помочь.

– Машенька, конечно, можешь! – ласково сказал Леха. – Дай-ка нам люкс на пару часов.

Внутри разделись, взяли простыни, тапочки и двинули в сауну. По телевизору вещал музыкальный канал.

– Резвей, ты как хочешь, а я сначала попарюсь. И тебе советую: попьешь пива потом.

– Ну, и я как ты.

Я смог выдержать минут пять, потом выбежал из парилки, на ощупь открыв дверь. Леха, блаженно кряхтя, остался. Я принял душ и вернулся за стол. Вскоре появился и покрасневшийся Леха.

Открытое пиво зашипело, пена попыталась вырваться на свободу. Леха налил себе чаю.

– Возвращаемся к разбору ошибок. К крику прибегай в исключительных случаях. Ничто так не давит на оппонента, как спокойный и уверенный голос. Заорав на этого... Иванченко?

– Панченко.

– Ага, так вот. Ты, заорав на Панченко, изначально поставил себя в заведомо проигрышное положение. Кричат те, кто не уверен в собственной правоте, считает, что криком можно подавить противника. Суть в том, что тот, кто

кричит, тратит силы на крик, а не на размышления над ответами. Поэтому в споре побеждает не тот, кто тратит эмоции на повышение громкости, а тот, кто логично и обоснованно высказывает свою точку зрения. Понял?

Я понял. Кивнув, решился задать ему вопрос, который в последнее время не давал мне покоя:

– Слушай, Леха, а зачем оно тебе нужно? Благотворительность?

Леха пожал плечами и ответил:

– Знаешь, Серега, придет время, и ты сам все поймешь. А в том, что оно придет, я теперь не сомневаюсь.

В дверь тихо постучали. «Войдите!» – заорал Леха. Дверь приоткрылась, из-за нее появилась очаровательная мордашка.

– К вам можно?

– Нужно! – крикнул Леха и обратился ко мне. – Серега, остальные ошибки выявляй сам! А на сегодня урок окончен, баста!

Последние слова он произнес, выпихивая меня из-за стола в сторону девушек:

– Отдыхайте, молодежь, это приказ!

– А ты?

– Иди, иди! Мне надо пару звонков сделать, – отрезал Леха.

И я пошел, паникуя и матерясь про себя. Мне даже захотелось отказаться от всего этого. Леха уже говорил по телефону, но, заметив мое смущение, жестом показал девушкам на меня – мол, забирайте парня. Они, подшучивая надо мной, обхватили меня с двух сторон под руку и увели.

Постройка крепости из теории плавно перетекала в практику. Первые кирпичи оказались с браком и выкинуты на свалку. На их место встал новый стройный ряд кирпичей, закаленных пламенем разбора ошибок и уверенности в собственной правоте.

Так мне казалось.

Глава 4

Цели и стимулы

Домой приехал вымотанный, под утро. Потом долго не мог уснуть, анализируя прошедший день. Да уж, он выдался насыщенный! Поворочавшись в постели еще немного, я понял, что сон не придет. Холодный душ и легкий завтрак помогли восстановить силы. Не одеваясь, замотавшись в плед, вышел на балкон. Свежий утренний морозный воздух ударил в голову, а кожа покрылась мурашками. Холодно! Взял с собой горячий кофе, сигареты и лист бумаги с ручкой.

Итак, что мы имеем? Цель-минимум: добиться уважения и авторитета на работе, расположения Лидки Фрайбергер, подняться как можно выше по карьерной лестнице, стать финансово независимым. Цель-максимум: сделать мир лучше, хотя бы тот, что вокруг меня. А между минимумом и максимумом еще сотни и тысячи мелких целей и задач, призванных привести меня к главной.

Много-много целей-кирпичей. Каждый поступок, каждое слово – кирпич. А что строить из них: высокую и прочную крепость для защиты себя и близких или ступеньки лестницы к высокой цели, – как раз и предстоит решить.

Мне хочется, чтобы моя Родина, а не «эта страна», как выражаются некоторые, жила лучше. Здесь рождались, росли, жили, воевали и трудились, любили и ненавидели, мечтали и горевали мои предки. Мысли о том, что где-то жизнь лучше, а у соседа лужайка зеленее, – удел нищих духом. Человек, который так думает, внутри пуст, потому что не уважает землю, на которой вырос.

Другая крайность – мечтать создать рай в своей стране, живя в хлеву. И как бы благородны ни были мои помыслы, о каком рае речь, когда у самого куча проблем?

А потому рай начну строить в отдельно взятой квартире. А еще лучше – начну с себя.

* * *

– Людям очень важны внешний облик, голос, поведение, осанка. Так что, Серега, советую сменить эти турецкие шмотки на что-то другое. Девушки внимательны к таким мелочам, с которыми ты давно свыкся и считаешь нормальными. Взгляни на свою обувь: грязная, нечищенная.

Лил дождь, под давлением встречного воздуха капли на лобовом стекле текли горизонтально, пока ленивые дворники не смахивали их с глаз долой. Мимо проносились зазывные неоновые вывески.

Леха решил подвезти меня до дома. В дороге он времени не терял и продолжал разбор полетов.

– Деньги-то есть?

– Найдутся, работаю все-таки, накопил немного.

– Прекрасно! Смени очки на контактные линзы, перемени одежду. Побрейся, наконец, что у тебя за фиговина под носом и на подбородке выросла? Ходишь, как Хоттабыч при постаревшем Вольке.

Леха рассмеялся собственной шутке.

– Ладно, идем дальше. Сходи к стоматологу, сделай чистку, отбеливание. Возьми что-нибудь неброское, но стильное, сам не сможешь – консультанты бутика помогут. И поработай над осанкой. Ну-ка, расправь плечи так, как сможешь, чтобы лопатки соединились. Во! Подними голову. Да нет, не запрокидывай ее, просто держи ровно. Эй! Плечи верни в исходное положение! Во! Так и ходи. И постоянно себя контролируй. Пару дней походишь, потом так привыкнешь, что

для тебя это станет естественным.

Ты пойми: успешный человек двигается и ведет себя так, что у него и осанка прямая, и походка уверенная, и улыбка во все зубы, и голос властный. Потому что у него все замечательно! Отсюда следствие: если будешь вести себя уверенно, ходить с прямой осанкой, широкой улыбкой на лице, то твой организм сам начнет выработку гормонов счастья. А счастливому человеку все дается легко. И у тебя тоже все будет замечательно! Понял?

- Понял.

- Все, работай. Завтра я по делам улетаю, буду на следующей неделе. Бывай.

Леха подвез до подъезда. Только поднимаясь по лестнице, я понял, что не говорил ему, какой из подъездов мой, но не стал над этим раздумывать: настолько сильно я был уверен во всеильности и всезнании Лехи.

Домой я шел с твердым намерением следовать всем его указаниям.

* * *

Спина, не привыкшая к таким нагрузкам, уже болела, но я упрямо продолжал контролировать расправленные плечи и высоко поднятую голову. До выхода из дома на работу оставалось полчаса, и тут в дверь долго и требовательно постучали. Вроде даже ногами.

На пороге стоял Василий – мой сосед справа. Жил Вася с женой Катериной. У них два несовершеннолетних сына: тезка мой – двенадцатилетний Сережка и Петька – четырехлетний вечно ноющий карапуз. Вася всегда был в состоянии холодной войны с супругой. Холодная война довольно часто, когда Вася в очередной раз приходил вдребезги пьяным, перерастала в бурные скандалы, с битьем посуды, ломанием мебели и применением тактического ядерного оружия. В такие моменты я включал музыку погромче, чтобы не слышать всей той грязи, которой воинствующие стороны обильно поливали друг друга. Жутким фоном ругани обычно служил хор воющих Сережки с Петькой.

- Сосед, одолжи столик до полочки!

Ох, Вася, Вася. Несколько раз в месяц он брал у меня займы с целью догнаться, а чаще опохмелиться. Деньги иногда отдавал. Иногда нет. На мои жалкие просьбы Вася чаще всего отвечал, что денег нет, всю получку зараза Катька забрала.

Катька денег мне не давала, мотивируя это тем, что Вася занимал, Вася пусть и отдает. И я уходил, в очередной раз кляня себя за мягкотелость, с твердым желанием больше Васе денег не давать.

Но Вася приходил снова, клялся и божился, что в последний раз, что отдаст лично, с получки, с заначки, перезаймет и вообще вернет с процентами. С бодуна чего только не наобещаешь, да? И я снова одалживал.

Как-то я сидел на балконе, а внизу у гаражей бухали какие-то мужики. Одним из них был Вася. Когда у мужиков закончилось пойло, они снарядили экспедицию в поисках средств на продолжение банкета. Идти вызвался Вася, а составить ему компанию возжелал Кецарик – мелкий плюгавенький мужичок, напоминающий Шарикова из «Собачьего сердца». Как звали Кецарика, не помнил никто, даже Вася. Но собутыльником он считался душевным, и его часто угощали.

У моей двери они остановились, и я услышал громкий шепот.

– Кецарик, иди на пролет вниз, а то этот шпендик испугается и денег не даст.

– А может, он и так не даст?

– Да даст, он всегда дает. Просить надо уметь.

Прошло минут десять (видимо, Вася ждал, пока Кецарик скроется из виду), потом Вася позвонил. Я открыл дверь и увидел его со скорбной миной. Хотя я от и до слышал их разговор с Кецариком, мне показалось, что у него действительно случилось горе.

– Серега, братишка, выручай! У Петьки Полкан под машину попал, надо срочно операцию делать! Иначе все, кранты собачке.

Гордым прозвищем Полкан звали миниатюрную вредную собачку невнятной породы. Пес этот вечно меня облаивал, норовя цапнуть за ногу, а когда раз в день его отпускали на выгул, он часто не дожидался улицы и опорожнялся прямо на мою дверь.

И я выручил. Дал займы денег на операцию Полкана, потому что боялся конфликтов, боялся обидеть человека. Мне проще и удобнее было дать Васе желаемое, чем сказать «нет» и захлопнуть дверь.

И вот все повторилось. Снова скорбь на Васином лице, недельная щетина, слипшиеся мутные глаза, выпяченная нижняя губа и перезрелый перегар. Правая рука согнута, а ладонь повернута вверх – поза просящего милостыню. Васю шатало. В общем, Вася все тот же. Но я-то – уже нет!

– Вася, ты долг принес?

– Ы? Какой долг?

– Короче, Василий, ты мне уже должен больше пяти тысяч. Когда отдашь, тогда и поговорим.

Я захлопнул дверь. Почти ликуя, но все еще недовольный собой. Все-таки надо было этого синяка еще и в эротическом направлении отправить. А что? Еще не поздно! Я открыл дверь. Вася все так же стоял, но при виде меня его лицо расплылось в улыбке. Наверное, этот идиот решил, что я одумался и возжелал одолжить ему стольник.

– Серега, друг, брат, выручи по-соседски, – заканючил он. – Стольник всего-то!

– Знаешь что, Вася? Иди-ка ты!

– Чего?

– Ты все слышал. А если твоя вонючая шавка еще раз нагадит мне под дверь – ей конец, а ты тут все отмоешь. Понял?

Вот теперь можно захлопнуть дверь. Что я и не преминул сделать. Вид шокированной Васиной физиономии стал для меня лучшей наградой.

* * *

Стоило мне подумать, что, кажется, я нашел способ давать отпор, позвонил телефон. Звонил Миха. Не могу сказать, что мы большие друзья, но из всех коллег с ним у меня сложились хоть какие-то отношения: несколько раз ходили вместе в бар и общались на почве любви к одной онлайн-ролевухе. Той самой, где Альянс против Орды[4 - Речь о компьютерной игре World of Warcraft. Прим. ред.]. Миха, двухметровый толстяк-бородач весом под полтора центнера, как полагается, играл за прекрасную ночную эльфийку. В компании он работал юристом.

- Здорово, старик! - бодрый Михин голос ни с чем не перепутаешь. Он невероятно звонкий и пронзительный. - Не разбудил?

- Никак нет, Миха, уже собрался выходить. Что-то случилось?

- У меня-то ничего, старик. А вот что случилось у тебя? - я услышал, как он тяжело дышал, услышал шум машин, трение рукавов о куртку и понял: Миха шел по улице, ему стало скучно, и между сигаретами он решил позвонить кому-нибудь.

- У меня все в порядке.

- Да? Слухи всякие ходят: мол, набухался ты вчера, Жорику нагрубил, Степанычу, на Панченко телегу накатыл. Серьезная заявка, с чего это ты вдруг?

Похоже, Миха позвонил мне не первому. Я почему-то улыбнулся своей пронцательности, но одновременно стал закипать.

- А ты чего вдруг слухам стал верить, Мих? И на фиг звонить с утра? На работе бы пересеклись, спросил бы.

- Старик, да не напрягайся ты так. Мы же это... типа друзья, а если у друга проблемы, другой друг имеет право знать.

– Все нормально... друг. Долгая история, ничего серьезного, расскажу при встрече.

– Да рассказывай уже! Глядишь, помогу чем, юридически проконсультирую.

– Миха! Я так на работу опоздаю! Все, пока!

– А, ну ладно, давай, до встречи.

Миха недовольно отключился. Как же, у меня что-то происходит, а что именно – непонятно... Любопытно. На правах друга, так сказать, имею право знать и требую соблюдения своих прав!

Кретин.

Честно, я не знаю, как еще назвать всех этих милых людей, которые то и дело вторгаются в мою жизнь. Если бы все было так просто, как с Васей, тут и рассуждать было бы не о чем. Но он настолько примитивен в своей хитрости, что раскалывается, как оказалось, в два счета.

Бывает, погряз в каком-то деле, зашиваешься, мозг кипит. Окружающие это видят и реагируют. По-разному, но чаще всего реакция маскируется под сочувствие, желание помочь, хотя срабатывает банальное любопытство.

Хороший повод выяснить, что у тебя происходит, – выбрать позицию филина-мыслителя, по умолчанию мудрее тебя.

«Сочувствующие» еще хуже. Попричитают: «Ой, горе-то какое!» – и сразу же переключаются на другое. Конечно, любопытство удовлетворено, твои проблемы – решай сам, но на тебе немного моей жалости и моих лажовых советов.

Позже я рассказал Лехе о своем неумении правильно реагировать на таких типов. Он посмеялся: «Как реагировать на их реакцию? Серег, да все просто. Как минимум осмыслить то, что предлагают, поблагодарить за сочувствие, восхититься изящным решением и спокойно двигаться дальше. Множить негатив и проблемы, когда их и так по уши, смысла нет».

Но это было потом. А тогда начинался новый день, впереди было много целей, которых надо достичь, и задач, которые надо решить. Я не спал всю ночь, но ощущал такую легкость и бодрость, что все казалось выполнимым.

Жизнь уже не была серой и однообразной, на войне скучно не бывает.

Глава 5

Нет – и точка

Я вышел из квартиры, захлопнул дверь. Тихо. Внизу слышался мерный храп. Опа! Так я и думал: этажом ниже на площадке спал Вася. И вот с этим недоумком я не хотел ссориться?

Я осторожно, стараясь не задеть тело, перешагнул Васю и уже почти выкинул его из головы, как он ухватил меня за ногу. Я слегка напрягся. Повернул голову и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/daniyar-sugralinov/kirpichi-2-0/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Речь идет об udaff.com (<http://udaff.com/>).

2

Пикап – знакомство с целью соблазнения, а также совокупность методов, наблюдений, взглядов, развившихся на основе эмпирического подхода к соблазнению.

3

Штормград – столица людей и самый крупный человеческий город в Азероте, мире компьютерной игры World of Warcraft.

4

Речь о компьютерной игре World of Warcraft. Прим. ред.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/daniyar-sugralinov/kipichi-2-0-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)